
ИСТОРИЯ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

УДК 821.131.1

ЛОЗИНСКАЯ Е.В.¹ Рецензия на кн.: VERTICAL READINGS IN DANTE'S *COMEDY* / ed. by CORBETT G., WEBB H. – Vol. 3. [Вертикальные прочтения «Комедии» Данте / под ред. Корбетта Дж., Вебб Х. – Т. 3].
DOI: 10.31249/lit/2021.03.09

Аннотация. «Вертикальное прочтение» «Комедии» Данте – метод интерпретации, при котором совместно анализируются три песни, входящие в «Ад», «Чистилище» и «Рай» под одинаковыми номерами. Издание подготовлено по материалам 33 публичных лекций, прочитанных ведущими современными дантологами в колледже Св. Троицы Кембриджского университета в 2012–2016 гг. В отличие от первых двух томов книги, третий имеет единое тематическое направление – обоснование эксплицитно теологического прочтения поэмы.

Ключевые слова: Данте; «Комедия»; теология; внутритекстовые параллели и связи.

LOZINSKAYA E.V. Book review: Vertical readings in Dante's *Comedy* / ed. by Corbett G., Webb H. – Cambridge, UK : Open book publishers, 2017. – Vol. 3. – XIII, 247 p.

Abstract. Vertical reading of Dante's *Commedia* is an exegetic method based on conjoined analysis of the same-numbered cantos from

¹ Лозинская Евгения Валентиновна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

the three canticles. The book has its origin in a series of thirty-three public lectures held in Trinity College, the University of Cambridge in 2012–2016 by leading contemporary Dante scholars. Unlike the first and the second volumes of the book, the third one unites the essays that make the case for avowedly theological readings of the poem.

Keywords: Dante; *Commedia*; theology; intratextual parallels and links.

Для цитирования: Лозинская Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 3. – С. 109–118. – Рец. на кн.: *Vertical readings in Dante's Comedy* / ed. by Corbett G., Webb H. – Cambridge, UK : Open book publishers, 2017. – XIII, 247 p. DOI: 10.31249/lit/2021.03.09

«Вертикальное прочтение» «Божественной комедии» Данте основано на поиске переключек, общих мотивов и тематических, поэтических и структурных совпадений в трех песнях поэмы, входящих в «Ад», «Чистилище» и «Рай» под одинаковыми номерами. Хотя параллели между такими песнями становились предметом анализа и ранее, трехтомник под редакцией Джорджа Корбетта и Хизер Вебб стал первой работой, где этот метод последовательно применяется ко всему тексту «Комедии». Как показали статьи, опубликованные в первых двух томах¹, автореференциальность «Комедии» неслучайна и отличается высокой плотностью. В тексте поэмы изобилуют внутренние отсылки и параллели, значимые повторы ритмических и рифменных схем, имплицитные нарративные последовательности, объединяющие между собой три, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга песни. Поэтому варианты

¹ Рефераты 1–2 томов издания см.: Лозинская Е.В. Реф. кн.: Вертикальные прочтения «Комедии» Данте. Т. 1 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2018. – № 4. – С. 113–116. – Реф. кн.: *Vertical readings in Dante's Comedy* / ed. by Corbett G., Webb H. – Cambridge, UK : Open book publishers, 2015. – Vol. 1. – XIII, 275 p.; Лозинская Е.В. Реф. кн.: Вертикальные прочтения «Комедии» Данте. Т. 2 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2019. – № 1. – С. 104–109. – Реф. кн.: *Vertical readings in Dante's Comedy* / ed. by Corbett G., Webb H. – Cambridge, UK : Open book publishers, 2016. – Vol. 2. – XIV, 288 p.

«вертикального прочтения» каждой из песенных «триад» весьма разнообразны и затрагивают как тематические, так и формальные (на микро- и макроуровнях) аспекты.

Третий том издания отличается от предыдущих наличием собственного тематического уклона: творение Данте рассматривается в теологическом контексте. Конечно, изучение теологического содержания «Комедии» имеет давнюю историю, восходящую к ранним комментариям на поэму [2], однако не меньший или даже больший авторитет в XX в. имела другая традиция, идущая от разграничения Данте-поэта и Данте-теолога у Ф. Де Санктиса и различения «поэзии» и «структуры» в дантовском «теологическом романе» у Б. Кроче. В известной степени это привело к разделению «сфер влияния» теологов и литературоведов в исследованиях «Комедии», однако в последние десятилетия интерес к ее теологическому прочтению значительно возрос, о чем свидетельствуют многочисленные монографии, конференции и исследовательские проекты¹. Д. Форд наметил семь аспектов «Комедии», значимых для современной теологии: жанр, модусы веры, отношение христианской теологии к нехристианским источникам, важность нарративной перспективы на «средней дистанции», включенность теологии в историю, связь Писания с философией, плодотворность контактов богословов с современными им поэтами [3].

В подготовке третьего тома «Вертикальных прочтений» приняли участие как литературоведы, так и теологи, а также исследователи, работающие в обеих областях. Этот том, охватывающий песни с двадцать четвертой по тридцать третью, стал естественным местом подобной междисциплинарной встречи, поскольку конец каждой из трех частей поэмы «устремлен к невыразимым теологическим истинам», и, следовательно, те песни, которые расположены ближе к нему, «несут как теологическую, так

¹ Dante's *Commedia* : theology as poetry / ed. by Montemaggi V., Treherne M. – Notre Dame, 2010; Reviewing Dante's theology : in 2 vol. / ed. by Honess C.E., Treherne M. – Oxford ; New York, 2013; Le teologie di Dante : atti del Convegno internazionale di studi, Ravenna, 9 novembre 2013 / dir. di Ledda G. – Ravenna, 2015; Corbett G. Dante's christian ethics : Purgatory and its moral contexts. – Cambridge ; New York, 2020. и др. издания.

и поэтическую нагрузку». «По мере того, как Данте продвигается по направлению к непостижимому и невыразимому, он основывается на Писании в той же мере, в какой и на своих поэтических предшественниках – древних и современных ему» [1, р. 3].

Питер Хокинс (Йельская школа теологии) использовал метод «вертикального прочтения» задолго до появления этого термина – в статье о поэтической рефлексии Данте [4], написанной на материале XXIV–XXVI песней в 1980 г. Теперь он обращается к двадцать третьим песням, останавливаясь на проблеме изображения тела в «Комедии». Настоящей плотью (*vera carne*) обладает лишь сам Данте-пилигрим, однако нематериальные тела теней в «Чистилище» и «Аде» изображаются во всех подробностях. В «Рае», напротив, тела практически недоступны восприятию, за исключением самого Данте и Беатриче в ее облике «будущего века», однако своего рода телесная изобразительность достигается через «взрыв метафоричности», когда «материальность почти полностью отсутствует, но может быть живо представлена воображением» [1, р. 17]. В этом контексте П. Хокинс обращает внимание на значимость образов, связанных с материнством, а также обнаруживает еще одно сходство между тремя двадцать третьими песнями – наличие в них ситуаций, когда один из персонажей смотрит в лицо или глаза другого. Тщательный анализ этих моментов позволяет исследователю дать собственную интерпретацию знаменитого эпизода, когда Вергилий в ошеломлении смотрит на Каиафу.

Дженет Соскайс (теологический факультет Кембриджского университета) проводит аналогию между «вертикальным прочтением» «Комедии» и раввинистической практикой Мидраша или средневековой экзегезой Писания в глоссах, литургии, архитектуре и других искусствах. Ее раздел о двадцать четвертых песнях построен иначе, чем большая часть статей трехтомника. Исследовательница, основываясь на множестве дополнительных источников, прослеживает в этих песнях сквозной нарратив о христианском желании (т.е. стремлении к благу), о переходе от первоначального уныния к надежде на спасение, непосредственно связанной с поэзией.

Джордж Ферцоко (факультет религии и теологии Бристольского университета) указывает на особую теологическую значимость числа 25 (в частности, в связи с Рождеством и Благовещением) и предлагает интерпретировать двадцать пятые песни в этом контексте. Исследователь считает, что Данте сам хотел показать читателю структурную взаимосвязь между этими тремя песнями, подчеркнув ее повторением особых ритмических схем в начале каждой из них. Тематически песни связываются мотивом изменения. В «Аде» – сдвигом в нарративной структуре, метаморфозами воров и сменой «поэтического идеала». В «Чистилище» это переход роли вожакого от Вергилия к Стацию, изменение тела в загробной жизни, а в «Рае» – возрастание самого Данте на пути надежды.

Елена Ломбарди (профессор итальянской литературы в Оксфорде) толкует двадцать шестые песни в контексте дантовской теологии любви и желания. Протогуманистическое желание мудрости у Улисса («Ад») противопоставлено *caritas* как любви к Богу у апостола Иоанна («Рай»), в то время как в «Чистилище» ставится вопрос о поэтических и эротических эксцессах любви. Исследовательница прослеживает, как «поэт-пилигрим» получает воплощение в образах Улисса, Данте и Адама, и сосредоточивается на общих для песней темах – языка, желания, пересечения границы. Она отмечает также роль повторного использования рифм, призванного привлечь внимание читателя к внутренним интертекстам поэмы.

Рональд Мартинец (университет Брауна) в анализе двадцать седьмых песней указывает на нумерологическую значимость степеней тройки, обозначающих возвращение к единству, обретение полноты и законченности (выражением чего служит число 81). Исследователь выявляет в качестве одного из лейтмотивов «временные циклы»: «Земное время – его причина, его проявления, следствия его хода – и вмещающая его вечность, представляют собой объединяющую тему трех двадцать седьмых песней» [1, р. 91]. Эта тема обретает полноту в «Рае» (3-я из двадцать седьмых, т.е. $27 \times 3 = 81$) в связи с *Primum Mobile* – в образе возвращения к корню, означающем одновременно сведение к одному и высшее, вмещающее в себя то, что ниже. Внимательное прочтение двадцать седьмых песней приводит исследователя к выводу, что все три,

пусть первая из них и менее эксплицитно, пронизаны образами «ретроспекции и завершения перед началом нового этапа пути. Таким образом, каждая из трех песней каким-либо образом содержит в себе то, что ей предшествует» [1, р. 93]. Это своего рода «поэтика вместилища», которая в двадцать седьмых песнях тематизирована и подробно разработана. В них мы встречаемся «с яркими образами замкнутости, которые функционируют как метонимии содержания всей части (*cantica*) в целом» [там же]. Особое внимание Р. Мартинец уделяет образу огня как удерживающего, ограничивающего тех, кто находится внутри него, и выражению в этой символической политической теологии Данте, его взглядов на разворачивающийся в то время конфликт между папской и имперской властью [1, р. 101–108].

Теодор Дж. Кэши (университет Нотр-Дам, Индиана) также отмечает значимость нумерологии для «Комедии». 28 – совершенное число (равное сумме всех своих делителей: $28=1+2+4+7+14$), как и 6 ($6=1+2+3$), поэтому неудивительно, что двадцать восьмые песни в известном смысле параллельны шестым. Общая тема шестых – земная география человеческого рода (соответственно – города, полуострова, земного мира в целом), а двадцать восьмые переводят эту тему на другой уровень. Двадцать восьмая песня «Ада» интерпретируется исследователем как «кульминация всей картографической программы первой части поэмы», «палимпсест существующих в то время картографических жанров» [1, р. 118], вербально воплощенная *terra mundi*, в том числе та ее разновидность, в которой тело Христа проецируется на ойкумену. В двадцать восьмой песни «Чистилища» создается карта этого пространства, расположенного между раем и адом (в первую очередь в словах Матильды), а в «Рае» – образ космоса как девяти concentрических кругов (речь Беатриче служит своего рода легендой к этой карте). Т.Дж. Кэши акцентирует и обосновывает значимость самого принципа картографии для утверждения дантовской идеи, что «Комедия» открывает читателю истину.

Джон Тук (Университетский колледж Лондона) выявляет общую тему двадцати девятих песней – многослойность человеческого опыта, его высоты и глубины. «Поддельщики» двадцать де-

вятой песни «Ада» совершили грех разрушения человеческой идентичности и одновременно грех против доверия между людьми. В соответствующей песни «Чистилища» «слияние природного и благодатного образует самый центр личности», утверждающей себя через любовь к ближнему. В двадцать девятой песни «Рая» представлена модель уже не отдельного человека, а вселенной. Бог в ней показан не объемлющим все, но пребывающим в центре мироздания, бесконечно малой точке, в которой, однако, сосредоточено все сущее.

Пьеро Бойтани (университет La Sapienza, Рим) прочерчивает вертикальную ось тридцатых песней на двух уровнях: теологическом – от обмана к Божественному откровению истины – и поэтологическом – от высокого стиля трагедии через литургическое возвышенное к языку невыразимого. Бойтани интерпретирует фигуры Улисса и Беатриче как репрезентации устремления Данте к знанию и его любви к христианской мудрости. Опираясь на систему отсылок к Страшному суду, исследователь показывает, что тридцатая песнь «Чистилища» является своего рода фоном, на котором должна восприниматься тридцатая песнь «Рая». Встреча Данте и Беатриче в тридцатой песни «Чистилища» – поворотный пункт всей поэмы, где «дантовские прошлое и настоящее соприкасаются, а человеческое и божественное встречаются» [1, р. 135].

Кэтрин Пиксток (теологический факультет Кембриджского университета) развивает в интерпретации тридцать первых песней темы Божественного размышления о Себе, затемнения и сокрытия, поиска связующих элементов и соединения разделенного. Исследовательница приходит к выводу, что «Комедия» должна читаться как своего рода литургия, воплощение того, о чем она говорит.

Дэвид Форд (профессор теологии Кембриджского университета) считает ключевыми для понимания тридцать вторых песней (в особенности «Чистилища») отсылки к новозаветному эпизоду Преображения Господня и к «Песни песней», обращая внимание на смелость дантовской образности, позволяющей провести аналогию не только между поэтом и апостолами (сон и последующее пробуждение), но и между поэтом и певцом «Песни песней», аллегорическим воплощением Бога, а также между Беатриче и Хри-

стом. Д. Форд прослеживает визуальные и звуковые аспекты тридцать вторых песней, выделяя мотивы взгляда в лицо и улыбки, пения и беседы в качестве аспектов преображения (в «Аде» они значимым образом отсутствуют – вместо улыбок искаженные лица, вместо песни – крики, беседа скорее напоминает допрос). Во второй части статьи Д. Форд защищает тезис о совпадении взгляда Данте и части современных теологов на соотношение человеческой и Божественной свободы – они находятся в прямой, а не обратной зависимости [1, р. 209]. Он также указывает на мотив удивления, неожиданности как характерной черты райского существования и подчеркивает значимость разнообразия благодати, отмеченной Данте в «Комедии», связывая эту тему с современным межрелигиозным диалогом. Завершает статью публикация четырех сонетов нашего современника, ирландского поэта Михала О'Шиейла (Micheal O'Siadhail) о Данте и от его имени, входящих в неопубликованную поэму «Пять квинтетов», над которой поэт все еще работает и в которой заметно влияние Алигьери.

Статья Рована Уильямса, архиепископа Кентерберийского (2002–2012) и профессора теологии Кембриджского и Оксфордского университетов, о тридцать третьих песнях трех частей поэмы и тридцать четвертой песни «Рая» завершает книгу не только структурно, но и концептуально. Тема его статьи – язык и движение. Последняя песнь «Ада» – образ абсолютного стазиса и молчания: ветер, продувающий пространство ада, не приводит в движение, а замораживает. Сатана и архипредатели вмерзли в лед, они неподвижны и неспособны к общению. «Предательство – своего рода самоубийство языка» [1, р. 220], и лица Сатаны отвернуты друг от друга. Контрастом к этой картине становится образ Земного Рая, где живое течение вод Леты и Эвной соответствует подвижному истечению благодати [1, р. 218]. Одновременно с этим путешествие сквозь чистилище возрождает способность к исцеляющей речи, признанию собственного греха и отказу от затемняющих истину спекуляций: Беатриче призывает Данте «учиться слушать простые слова». В тридцать третьей песни «Рая» снова появляется ветер, но это не разрывающий, разделяющий ветер ада; напротив, его дуновение соединяет все вещи (*quasi conflati*

insieme), «таинственным образом сочетая сущность и акциденции в воспринимаемую интеллектком форму и показывая их в едином и простом моменте просветления» [1, p. 219]¹. В «Рае» речь не утверждается и не отрицается, она преобразуется под влиянием живой связи с Богом. А на пути от молчания в аду к молчанию визионерского экстаза в рае возникает речь поэтического воображения, которая стремится придать языковую форму тому, что выше нашего постижения, однако ей удастся передать лишь немногое.

«Комедия», таким образом, воплощает собой именно то, что и описывает, ведет нас от иллюзорного действия и отрицания языка к истинному действию – действию благодати – и настоящей трансцендентности языка; от молчания, которое есть отмена и устранение смысла, к молчанию, которое следует за самой интенсивной и сосредоточенной попыткой говорить истинным языком» [1, p. 227].

Список литературы

- 1 Вертикальные прочтения «Комедии» Данте. Т. 3. *Vertical readings in Dante's Comedy* / ed. by Corbett G., Webb H. – Cambridge, UK : Open book publishers, 2017. – Vol. 3. – XIII, 247 p.
- 2 Теолог Данте : теологические темы в его трудах и в ранних комментариях : материалы международного конгресса в Университете Ка' Фоскари, Венеция, 14–15 сентября 2017 г. *Theologus Dantes : tematiche teologiche nelle opere e nei primi commenti : atti del convegno internazionale (Università Ca' Foscari Venezia, 14–15 settembre 2017)* / dir. di Lombardo B., Parisi D., Pegoretti A. – Venezia : Edizioni Ca' Foscari, 2018. – 262 p.
- 3 Форд Д.Ф. Данте как источник вдохновения для теологии XXI в. *Ford D.F. Dante as inspiration for twenty-first-century theology // Dante's Commedia : theology as poetry* / ed. by Montemaggi V., Treherne M. – Notre Dame : Univ. of Notre Dame press, 2010. – P. 318–328.
- 4 Хокинс П.С. Мастерство и добродетель : поэтическая авторефлексия в «Комедии». *Hawkins P.S. Virtuosity and virtue : poetic self-reflection in the Commedia // Dante studies, with the Annual report of the Dante Society.* – 1980. – Vol. 98. – P. 1–18.

¹ Р. Уильямс считает, что Данте основывался в этом на фразе Григория Великого о том, что св. Бенедикт увидел все вещи соединенными в одно в свете Господа.